MD 10
951

Д.М. Петрушевскій
МД 10
951

Е. Ѳ. Карскій.

КЪ ВОПРОСУ

О РЕФОРМѢ

РУССКОЙ ОРѲОГРАФІИ.

Оттискъ изъ „Русск. Филолог. Вѣстника“ за 1904 г. т. LII.

ВАРШАВА.
Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа.
1904.

МДІО 951

285
П

Е. Ѳ. Карскій.

КЪ ВОПРОСУ

О РЕФОРМѢ

РУССКОЙ ОРѲОГРАФІИ.

Оттискъ изъ „Русск. Филолог. Вѣстника“ за 1904 г. т. LII.

ВАРШАВА.
Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа.
1904.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

965060

Дозволено цензурою.
Варшава, 7 октября 1904 г.

КЪ ВОПРОСУ
О РЕФОРМѢ РУССКОЙ ОРѲОГРАФІИ [1].

За послѣднее время Вамъ, несомнѣнно, приходилось не мало читать въ газетахъ и журналахъ о томъ, что предпринимаются попытки по упрощенію русской орѳографіи. Починъ отдѣльныхъ лицъ и нѣкоторыхъ ученопедагогическихъ обществъ (московскаго, казанскаго) и Главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній нашелъ поддержку въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ, которая въ нѣсколькихъ своихъ засѣданіяхъ, собиравшихся весной текущаго года, выработала основныя положенія реформы и дала даже проектъ реформированной орѳографіи. Какъ видно изъ тѣхъ же газетъ и журналовъ, русское интеллигентное общество неодинаково встрѣтило проектъ реформы: большинство, повидимому, ему не сочувствуетъ. И ученый міръ далеко не въ большинствѣ за реформу, предложенную Академіей. Правда, на засѣданіяхъ, происходившихъ въ Академіи, подавляющее большинство было за тѣ или другія измѣненія; но дѣло въ томъ, что на засѣданія приглашены были по какой-то случайности, а можетъ быть

[1] Докладъ, читанный 11 сентября 1904 г. въ засѣданіи Отдѣленія историко-филологическихъ наукъ Общества исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ.

и нарочно, кромѣ членовъ 2-го Отдѣленія (явившихся далеко не въ полномъ составѣ), только лица, завѣдомо сочувствовавшія реформѣ; съ противоположными воззрѣніями были приглашены лишь 2—3 лица (Будиловичъ, Кулаковскій).

Спрашивается, какія причины вызвали реформаціонныя стремленія, и могутъ ли послѣднія разсчитывать на успѣхъ?

Вопросъ объ упрощеніи и реформѣ русской орѳографіи имѣетъ свою исторію: теоретически начали его обсуждать съ появленія гражданской азбуки, при Петрѣ I, а тѣ или другія измѣненія въ кирилловскомъ письмѣ на русской почвѣ начались съ появленія первыхъ памятниковъ письма; такъ уже нѣкоторые русскіе памятники XI вѣка не знаютъ ѫ, а ѧ смѣшиваютъ съ и, такъ какъ русскому языку уже въ разсматриваемое время были неизвѣстны носовые гласные. Разныя измѣненія происходили и послѣ, о чемъ рѣчь можетъ быть въ палеографіи. Однако много лишнихъ начертаній, не соотвѣтствовавшихъ особымъ звукамъ, сохранилось до времени появленія въ началѣ XVIII вѣка гражданской азбуки и даже зашло въ нее; таковы, напр., случаи, когда двѣ или даже три буквы передаютъ одинъ и тотъ же звукъ, именно *е* (*е*, *э* и *ъ*), *и* (*и*, *і* и *ѵ*), *ф* (*ф* и *ѳ*), или даже не обозначаютъ никакого звука (*ъ* и *ь*).

Исторія современной русской орѳографіи, попытки ея измѣненія и упрощенія очень обстоятельно разсмотрѣны во второй части извѣстныхъ „Филологическихъ разысканій“ Я. К. Грота. Самыя новѣйшія попытки въ этомъ родѣ, какъ работа Р. Ѳ. Брандта: „О лженаучности нашего правописанія“ (Фил. Зап. 1901 г., I—II), мнѣнія нѣкоторыхъ педагогическихъ обществъ и самый академическій проектъ очень обстоятельно разсмотрѣны съ точекъ зрѣнія научной, педагогической, психологической и государственной а) проф. А. И. Томсономъ въ сочиненіяхъ: „Къ теоріи правописанія и методологіи преподаванія его въ связи съ проектированнымъ упрощеніемъ русскаго

правописанія. Одесса. 1903“ и „Реформа въ ущербъ грамотности и правописанію. Одесса. 1904“; и б) А. С. Будиловичемъ: „О московскомъ проектѣ упрощенія русскаго правописанія. Юрьевъ. 1902“ (Сборникъ учено-литературнаго общества при Имп. Юрьевскомъ унив., т. V). По поводу академическаго проекта А. С. откликнулся въ „Вѣстникѣ Европы“ (1904, май) и особенно въ „Русск. Вѣстникѣ“ (1904, VII): „Академія наукъ и реформа русскаго правописанія“. О ходѣ занятій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ весной текущаго года узнаемъ изъ сообщенія „Правительственнаго Вѣстника“ (30 апр. и 1 мая) и изъ „Предварительнаго сообщенія орѳографической подкомиссіи. Спб. 1904“ [1]).

Знакомясь съ разными трудами, касающимися русской орѳографіи, не говоря уже объ учебникахъ грамматики, мы видимъ, что разсматриваемый вопросъ уже имѣетъ свою обширную исторію: дѣло рѣшалось и отдѣльными лицами и цѣлыми собраніями; однако успѣхомъ пользовались только болѣе удачныя орѳографическія предложенія, не касавшіяся притомъ радикальной передѣлки орѳографіи, а лишь тѣхъ или другихъ поправокъ въ исторически сложившемся довольно устойчивомъ зданіи рус-

---

[1]) Къ литературѣ предмета прибавимъ А. С. Бѣлкина: „Вопросъ объ упрощеніи русской орѳографіи въ Московскомъ Педагогическомъ Обществѣ“ (Журн. М. Н. Пр. 1902, янв.); Ѳ. Е. Корша: „О русскомъ правописаніи“ (Извѣстія Отд. р. яз. и слов. Ак. н. за 1902 г., кн. 1); А. И. Соболевскаго: „Упрощеніе русской орѳографіи“ (Вѣстникъ и библіотека самообразованія. 1904, № 21); Р. Ѳ. Брандта: „Отвѣтъ Алексѣю Бѣлкину“ (Ж. М. Н. Пр. 1902, авг.); его же: „Мнѣнія о русскомъ правописаніи Игн. Викент. Ягича, Ѳед. Евг. Корша, Ант. Сем. Будиловича и Алдр. Ив. Томсона“ (Фил. Зап. 1904, II). Тутъ же два приложенія: 1. Нѣсколько словъ въ защиту звукового письма; 2. Открытое письмо академику Игнатію Викентьевичу Ягичу. Въ концѣ даны образцы орѳографій. В. И. Чернышева: „Письма о старой и новой орѳографіи“. Спб. 1904. Много статей по разсматриваемому предмету въ разныхъ газетахъ: „Новомъ Времени“, „Руси“ и др.

скаго письма; таково, напр., „Русское правописаніе“, изложенное по порученію Академіи наукъ Я. К. Гротомъ, обязательно рекомендованное Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія и съ 1885 г. держащееся до сихъ поръ. Однако тѣ существенные недостатки русскаго правописанія, которые всегда выставлялись на видъ, какъ-то: 1) существованіе нѣсколькихъ буквъ для передачи одного звука; 2) отсутствіе знаковъ для нѣкоторыхъ имѣющихся въ языкѣ звуковъ; 3) существованіе буквъ, не обозначающихъ никакихъ звуковъ; 4) непослѣдовательность въ написаніи многихъ словъ; 5) отсутствіе единства принципа въ орѳографіи, а еще чаще ненаучность ея и под. — всѣ эти недостатки не устранены и до сихъ поръ. Развитіе изученія исторіи языка и знакомства съ живою русской народной рѣчью; стремленіе распространить всеобщую грамотность; желаніе предоставить школѣ больше времени для изученія языка, нежели орѳографіи, — особенно ярко освѣщаютъ отмѣченные недостатки и снова возбуждаютъ реформаціонныя стремленія въ этомъ отношеніи людей заинтересованныхъ. Особенно радикально рѣшилась поступить Академическая комиссія, которая въ своемъ засѣданіи 12 апрѣля сего года постановила исключить изъ русской азбуки *ѕ*, *ъ*, *ѳ* и *і*. Подкомиссія прибавила сюда еще рядъ другихъ измѣненій. Настоящій мой докладъ и будетъ посвященъ разсмотрѣнію постановленій комиссіи и подкомиссіи.

Когда для того и другого языка, не имѣющаго еще письма, изобрѣтается въ настоящее время азбука, то все вниманіе обращаютъ на то, чтобы для каждаго звука, насколько онъ уловимъ ухомъ, былъ данъ особый знакъ, слова́ передаютъ строго фонетически. Такъ поступали въ большинствѣ случаевъ и въ старину, въ ту эпоху, когда сумѣли уловить въ словѣ членораздѣльные звуки. Таково было, напр., греческое, латинское письмо, такова была и азбука церковно-славянская, легшая въ основу русской. Однако уже въ этихъ древнѣйшихъ азбукахъ подъ тѣмъ или другимъ вліяніемъ, особенно подъ влія-

ніемъ оригиналовъ, которымъ подражали составители новыхъ азбукъ, часто оказывалось по нѣскольку знаковъ для передачи одного звука. Иногда такое излишество вызывалось цѣлями палеографическими — желаніемъ точно передать заимствованное иностранное слово (таковы въ ц.-слав. азбукѣ ѵ, ѳ, ѯ, ѱ, ѡ, отчасти ї), а иногда соображеніями чисто эстетическими или практическими (сохраненіе и и ї), или даже и нѣкоторыми звуковыми оттѣнками (щ при шт). Привычки письма и время часто устраняли нѣкоторыя изъ такихъ буквъ, или же устанавливали для нихъ прочныя границы (для *ѵ* и *і*). Въ худшемъ положеніи оказывалось дѣло, если для языка родственнаго, очень близкаго къ данному по звукамъ, брали изъ другого уже готовую азбуку. Что было вполнѣ законно и умѣстно въ письмѣ одного языка, для другого часто оказывалось некстати, излишнимъ балластомъ. Но и тутъ со-временемъ оставалось лишь то, что было крайне необходимымъ. Впрочемъ понятіе о необходимыхъ начертаніяхъ для даннаго языка также не вполнѣ устойчиво. Дѣло въ томъ, что живой языкъ живетъ, развивается, и какъ всякій организмъ представляетъ и вывѣтрившіяся ткани, которыя со-временемъ умираютъ, оставляя по себѣ лишь память въ передававшихъ ихъ буквахъ. Таковы въ русскомъ письмѣ буквы ѕ и ѣ и отчасти ъ. Первыя двѣ уже не обозначаютъ никакихъ звуковъ, тогда какъ послѣдняя при извѣстныхъ условіяхъ всегда даетъ себя чувствовать. Послѣ всѣхъ такихъ перемѣнъ письмо естественно перестаетъ быть строго фонетическимъ, а носитъ историческій характеръ: оно отражаетъ на себѣ судьбу языка такъ, какъ существующая до нашего времени культура народа отражаетъ историческое развитіе его жизни; разсматривая нашъ современный бытъ, мы легко можемъ указать въ немъ разныя наслоенія. Въ языкѣ—въ словѣ мы найдемъ отраженіе исторіи народа; орѳографія, внѣшнимъ образомъ увѣковѣчивающая мысль человѣка, его слово, даётъ наглядное изображеніе разныхъ періодовъ его исторіи. Какъ ни лишни кажутся наши ѕ и ѣ, ъ, а они со-

временную русскую литературную рѣчь или же разнообразнѣйшіе простонародные русскіе говоры, разбросанные на громадномъ пространствѣ нашего отечества и отчасти за границей, возводятъ къ единому когда-то русскому языку; а исчезнувшіе теперь ѫ и ѧ напоминаютъ о родствѣ нашемъ съ другими славянами и о заимствованіи отъ югославянъ азбуки; даже ѱ, ѯ, ѳ не лишены значенія въ томъ отношеніи, что указываютъ, откуда шли культурныя вліянія на южныхъ славянъ, а при посредствѣ ихъ и на Русь. Такимъ образомъ наша орѳографія изъ фонетической современемъ стала исторической. Но этимъ дѣло не ограничилось. Когда началось изученіе языка, какъ такового, и осмысленіе словопроизводства, а также орѳографіи, то по аналогіи написанія родственныхъ словъ часто въ правильныя начертанія вносили отличія, чуждыя и фонетикѣ и исторіи языка (лѣзть, идти и под.). Обычай и время узаконили такія написанія. Все это содѣйствовало тому, что наша орѳографія изъ чисто фонетической стала этимологической на исторической основѣ. Слова, написанныя такой орѳографіей, точно передаютъ обозначаемыя ими понятія; употребленіе и школа тѣсно сплотили одно съ другимъ. Рѣдкій читатель безъ особой надобности сталъ бы теперь расчленять написанныя слова на ихъ звуковыя части. Это и естественно: теперь мы больше читаемъ глазами, нежели голосомъ. Для цѣлей практическихъ, имѣющихъ въ виду передачу другимъ людямъ своихъ мыслей при посредствѣ письма такая орѳографія вполнѣ достаточна и удобна. Если иногда слова бываютъ нѣсколько затруднительны для письма, то зато они очень удобны для чтенія, а вѣдь пишутъ и затѣмъ печатаютъ сотни, а читаютъ милліоны. Другое дѣло научная орѳографія, для цѣлей чисто лингвистическихъ: здѣсь допустимо только чисто фонетическое письмо, но оно не только не легче, но значительно труднѣе обычнаго нашего письма; допущеніе въ школу даже упрощеннаго звукового письма, при разнообразіи русскихъ говоровъ, доставило бы учащимъ и учащимся больше труда, чѣмъ те-

перешняя общерусская орѳографія. Въ подобномъ положеніи находится дѣло не только съ русскимъ письмомъ, но и съ орѳографіями другихъ цивилизованныхъ народовъ, письменность которыхъ уже насчитываетъ нѣсколько вѣковъ. Припомнимъ орѳографіи нѣмцевъ, французовъ и особенно англичанъ. Въ сравненіи съ послѣдней русская является одной изъ простѣйшихъ, отличающейся точностью и ясностью.

Уже изъ сказаннаго можно видѣть, что наша орѳографія въ радикальныхъ измѣненіяхъ не нуждается. Однако, какъ и въ другихъ исторически сложившихся орѳографіяхъ, и въ нашей являются омертвѣнія, видѣть которыя хотя и привыкаетъ зрѣніе, но не чувствуетъ въ нихъ никакой надобности: устраненіе ихъ не принесетъ никакого вреда. Къ числу такихъ буквъ, подлежащихъ устраненію, прежде всего принадлежитъ *ъ*. Его двойникъ *ь* по крайней мѣрѣ обозначаетъ въ извѣстныхъ случаяхъ мягкость согласнаго, за которымъ онъ слѣдуетъ; *ъ* же въ современной орѳографіи служитъ для показанія твердости конечнаго согласнаго, но и безъ него такой согласный не можетъ быть произнесенъ иначе, какъ твердо; кромѣ того, въ серединѣ словъ, въ группахъ согласныхъ, *ъ* въ русской орѳографіи вообще не пишется, тогда какъ *ь*, хотя и непослѣдовательно, но все же употребляется (кольцо, письмо, но вѣ*т*ви и под.). Однако есть нѣсколько случаевъ, гдѣ обозначеніе твердости какъ бы необходимо: *съ*ѣсть, *въ*ѣявь и под. Но и здѣсь передъ *j* обыкновенно слышится мягкій согласный, такъ что *ъ* съ удобствомъ можетъ быть замѣненъ *ь*-мъ [1]); даже тѣ, которые произно-

[1]) Есть однако случаи, чисто фонетическаго характера, живущіе до сихъ поръ отъ старины и всегда дающіе о себѣ знать, ради которыхъ трудно обойтись безъ *ъ* въ серединѣ словъ, это — появленіе *о* послѣ предлоговъ на мѣстѣ стараго *ъ*: объемъ—обойми. Если допустить написаніе, въ родѣ обьем, то выйдетъ, что здѣсь *о* какъ бы на мѣстѣ *ь*, или же придется дѣлать оговорку, что здѣсь *ь* на мѣстѣ выброшеннаго изъ азбуки *ъ*; иначе пишущіе не поймутъ, отчего пью—пей, а обьем—обойми.

сятъ въ такихъ случаяхъ твердый согласный, при видѣ ъ все-таки не затруднятся произнести его твердо, въ то же время не соединяя его со слѣдующимъ гласнымъ, какъ они дѣлаютъ это теперь, читая, напр., ѣшь, рожь, какъ ѣшъ, рожъ. Роль ъ, какъ раздѣлительнаго знака, въ этомъ случаѣ была бы аналогична такому употребленію его, какое мы имѣемъ въ „листья“, „шью“ и под., хотя здѣсь ъ и другого происхожденія. Наше предложеніе въ этомъ случаѣ совпадаетъ со взглядомъ орѳографической комиссіи и многихъ другихъ лицъ уже начиная съ XVIII вѣка, и нельзя не признать его раціональнымъ. Въ настоящее время ѣ въ русской азбукѣ совершенно излишній балластъ, отнимающій у пишущихъ, печатающихъ и читающихъ массу труда, времени и средствъ. Уже давно произведено вычисленіе, что ѣ составляетъ 8% всѣхъ буквъ печатнаго или рукописнаго листа. Такимъ образомъ, если на изданіе тратится 100.000 рублей, одинъ ѣ обходится въ 8.000 р. Устраненіе его дастъ сбереженіе не только капитала, но и труда пишущихъ, наборщиковъ, читателей на 8%; одни только авторы, получающіе построчную плату, потеряютъ изъ своего бюджета 8%, но имъ можно пропорціонально повысить гонораръ. Очень интересенъ отзывъ объ этой буквѣ, сдѣланный еще въ 1858 г. Сенковскимъ („Листки бар. Брамбеуса“. Спб. 1858, 633): „Пагубнѣе всѣхъ и всего этотъ тунеядъ ѣ, эта піявка, высасывающая лучшую кровь русскаго языка, этотъ злокачественный наростъ — родъ грамматическаго рака — на хвостѣ русскихъ словъ: онъ пожираетъ болѣе 8% времени и бумаги, стоитъ Россіи ежегодно болѣе 4.000.000 рублей, а какую приноситъ ей выгоду или честь?“ Въ настоящее время, при сильномъ развитіи печатнаго слова и канцелярскаго дѣлопроизводства, а также учебныхъ заведеній, сумма въ 4 милліона должна быть увеличена въ нѣсколько разъ; пропорціонально долженъ быть увеличенъ и безцѣльный трудъ всѣхъ пишущихъ и читающихъ; а вѣдь изъ долей секундъ, непроизводительно потраченныхъ народомъ на письмо и чтеніе, складываются въ много-

милліонномъ грамотномъ народѣ цѣлые рабочіе годы. — Всѣ доводы, приводимые въ пользу сохраненія въ русской азбукѣ *ѣ*, не имѣютъ никакой научной цѣнности. Одно лишь соображеніе имѣетъ нѣкоторый raison d'être, это что въ малорусскомъ нарѣчіи (кромѣ галицкихъ говоровъ) и отчасти въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ бѣлорусскомъ на концѣ словъ послѣ голосовыхъ (звучныхъ) согласныхъ слышится нѣкоторый частичный гласный — неслоговой глухой (разъ, богъ, грибъ и т. д.); если бы этого неслогового гласнаго здѣсь не было, всѣ конечные голосовые согласные, какъ и въ другихъ индоевропейскихъ языкахъ, перешли бы въ безголосные (отзвучные). Но иногда такой неслоговой глухой слышится и въ серединѣ словъ, однако посредствомъ *ѣ* онъ не передается; да и вообще съ неслоговыми глухими мы переходимъ въ область научной грамматики, а рѣчь у насъ идетъ объ орѳографіи для практическихъ цѣлей.

Что касается *ѣ*, то тутъ дѣло обстоитъ далеко иначе. Лица, настаивающія на исключеніи *ѣ*, исходятъ изъ того положенія, а) что звукъ, изображаемый имъ и буквой *е*, въ литературной рѣчи одинъ и тотъ же; б) что *ѣ* иногда стоитъ не на своемъ мѣстѣ, равно какъ и *е* [1]); в) что вслѣдствіе этого *ѣ* съ большимъ трудомъ усваивается учащимися, особенно въ низшей школѣ. Однако эти доводы не настолько сильны, чтобы изъ-за нихъ исключить такую важную букву изъ русской этимологическо-исторической орѳографіи. Дѣло въ томъ, что 1) даже въ литературной рѣчи замѣстители основныхъ *ѣ* и *е* (изъ *є* и *ь*) по своей судьбѣ далеко не совпадаютъ: *е* изъ *ѣ* подъ удареніемъ передъ твердыми согласными не пере-

[1]) Однако, говоря о подобныхъ случаяхъ, обыкновенно допускаютъ нѣкоторое преувеличеніе, сравнивая современную русскую орѳографію не съ древне-русскою, а др.-церковнославянской: формы, въ родѣ предъ, время, гдѣ и под. уже въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ имѣли такой видъ, а не исключительно прѣдъ, крѣмя, къде и под.

ходитъ въ *о*, а въ *ä* (ср. сёлъ и свѣтъ). Далѣе 2) хотя въ основѣ литературной рѣчи и лежитъ московскій говоръ, не различающій *е* отъ *ѣ*, однако сѣверновеликоруссы во многихъ случаяхъ, а малоруссы всегда отличаютъ *е* отъ *ѣ*; на мѣстѣ послѣдняго у нихъ слышится особый звукъ, чаще *и*. Если устранить изъ орѳографіи *ѣ*, то для нихъ *е*, смѣшивающееся въ литературномъ произношеніи въ случаѣ безударности съ *и*, представитъ не меньше въ своемъ употребленіи затрудненій, нежели теперь *ѣ*. Для нихъ будетъ совершенно непостижимо, чѣмъ отличается первый слогъ въ какомъ-нибудь „села“ (чит. сила́) отъ „сига́“, „сѣмя́нъ“ и т. п. Если 3) отъ письма перейдемъ къ чтенію, то слова, написанныя безъ *ѣ* (ср. пары сведеніе—свѣдѣніе, синее—синѣе, свѣжее—свѣжѣе, вести—вѣсти, есть—ѣсть, смелъ—смѣлъ, въ поле—въ полѣ и т. п.), если не особенно будутъ затруднительны для пониманія южновеликорусса, то малоруссу и отчасти сѣверному великоруссу они будутъ съ перваго взгляда такъ не вразумительны, какъ слова какого-нибудь сербскаго языка. Конечно по контексту рѣчи можно догадаться, о чемъ пишется, но на обдумываніе со стороны милліоновъ читающихъ уйдетъ больше времени, нежели на обученіе пишущихъ, особенно если это обученіе ведется правильно. Каждый учитель знаетъ, что научить правильно употреблять *ѣ* въ окончаніяхъ очень легко: вѣдь гг. преподаватели отъ каждаго поступающаго даже въ приготовительный классъ среднихъ учебныхъ заведеній требуютъ правильнаго употребленія *ѣ* во флексіяхъ. Что же касается корней, то и здѣсь не такъ ужъ трудно усвоить употребленіе *ѣ* въ теченіе гимназическаго курса (не слѣдуетъ лишь очень строго относиться къ ошибкамъ такого рода) [1]); понятно, учащихся въ начальныхъ учили-

---

[1]) Если дѣйствительно иногда бываетъ въ работахъ учениковъ много ошибокъ въ употребленіи *ѣ*, то это чаще объясняется лѣностью учащихся, ихъ разсѣянностью и неопытностью преподавателей. Интересенъ отзывъ по этому вопросу

щахъ не научить правильному употребленію ъ въ корняхъ, какъ и вообще трудно научить писать грамотно. Но не полезнѣе ли для нихъ умѣть легко понимать написанное? Да врядъ ли въ начальныхъ училищахъ и у другихъ цивилизованныхъ европейскихъ народовъ, напр., у французовъ и англичанъ, достигаютъ правильной орѳографіи. Скажу больше — врядъ ли будутъ писать грамотно въ нашихъ начальныхъ училищахъ и по устраненіи ъ. 4) И безъ ъ наша орѳографія не станетъ фонетической, такъ какъ нѣтъ передачи безударныхъ гласныхъ и измѣнившихся въ произношеніи согласныхъ, но она совершенно утратитъ характеръ этимологическо-исторической. 5) Благодаря ъ мы въ извѣстномъ отношеніи поддерживаемъ связь и съ другими славянами, такъ какъ и они легче могутъ понимать наше письмо, и съ нашей древней письменностью, которая съ устраненіемъ этой буквы изъ обихода станетъ болѣе затруднительной для пониманія.

Комиссія предложила устранить ѳ. Врядъ ли кто станетъ возражать противъ этого. Чтобы правильно ставить ѳ, нужно знать греческій языкъ. Съ ослабленіемъ преподаванія этого предмета въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и при полномъ конечно незнакомствѣ съ нимъ въ низшихъ школахъ, слова́ съ ѳ, хотя и не особенно многочисленныя, придется выучивать наизусть. Но заслуживаютъ ли иностранныя слова такого вниманія къ нимъ? Еще въ половинѣ прошлаго столѣтія одинъ польскій грамматикъ [1]) очень разумно выразился относительно ихъ:

акад. Ягича (Arch. f. sl. Phil., XXIV, 320): ...я считаю преслѣдованіе бѣднаго ъ не оправданнымъ. Можетъ быть, можно бы было его употребленіе лучше упорядочить, чѣмъ это сдѣлано теперь, но я не думаю, чтобы было такъ трудно усвоить памятью его употребленіе. Я не считаю столь тупымъ русскій народъ. Воображаемыя трудности ъ кажутся мнѣ преувеличенными. Что должны тогда англичане, французы и нѣмцы сказать по отношенію къ своей орѳографіи?

[1]) Andrzej Sztochl: Grammatyka historyczno-krytyczna języka polskiego. Warszawa. 1854, 137.

„какъ пріѣзжій иностранецъ не привозитъ съ собою своихъ законовъ, а обязанъ подчиняться мѣстнымъ, такъ и иностранное слово не въ правѣ итти противъ обычаевъ пріютившаго ихъ языка“. Вѣдь ѹ, несмотря на его особый звукъ, мы уже передаемъ безъ всякаго вреда посредствомъ *и* (миро, синодъ и т. д.); отчего же намъ не употреблять и *ф* вмѣсто *ѳ*, обозначающей даже тождественный ему звукъ. Ѳеодорамъ, Ѳекламъ, Ѳедотамъ, Ѳеофанамъ, Меѳодіямъ по своему виду придется примѣниться къ Филиппамъ, Фотиньямъ, Фокамъ, Филаретамъ и т. д. Новѣйшія заимствованія греческихъ словъ съ ϑ мы производимъ при посредствѣ западныхъ народовъ и уже употребляемъ въ нихъ не звукъ *f*, а *t* (библіотека, аптека, театръ и т. п.). Слѣдуетъ лишь удивляться, что такъ долго держалась эта ненужная буква въ нашемъ алфавитѣ, несмотря на протесты противъ нея уже со стороны Ломоносова и др.

Что касается устраненія *і*, то и противъ этого врядъ ли кто станетъ спорить, такъ какъ употребленіе двухъ *і* не имѣетъ для себя оправданія въ исторіи языка. При изобрѣтеніи азбуки для звука *і* взято греческое н, а і зашло лишь для передачи орѳографіи словъ иностранныхъ (іс̃); затѣмъ къ нему прибѣгали, когда въ концѣ строки не было мѣста для н. Однако употребленіе его очень рано въ нѣкоторыхъ памятникахъ усилилось: къ нему стали такъ же часто обращаться, какъ и къ н, или безъ всякой системы, или чаще съ извѣстной послѣдовательностью, напр., ставили і послѣ гласныхъ (Савв. книга); въ послѣднемъ случаѣ дѣйствовали конечно скорѣе эстетическія соображенія. Эти послѣднія, вѣроятно, были причиной удержанія двухъ начертаній для *і* и въ послѣдующее время; старался упорядочить употребленіе ихъ К. Костенческій и М. Смотрицкій. Пережили они и реформу Петра I и дошли до нашего времени. Современное употребленіе двухъ *і* не представляетъ никакихъ затрудненій и усваивается учениками въ одинъ урокъ. Стремленіе Тредьяковскаго удержать только одно *і* не имѣло успѣха

какъ вслѣдствіе неудобства въ скорописи, требующей часто отрывать перо отъ буквъ для постановки точекъ, такъ и вслѣдствіе безобразія письма, употребляющаго очень часто одно и то же начертаніе. Думаю, что и при теперешней реформѣ, въ случаѣ господства одного *и*, слова станутъ по виду довольно однообразными, особенно на письмѣ, когда два *и* придется употреблять рядомъ съ *ш* и под. буквами (хорошие, приищите, Иисусъ). Несомнѣнно, употребленіе двухъ *и (и* и *і)* облегчаетъ чтеніе и пониманіе написаннаго и въ то же время не составляетъ особаго затрудненія для орѳографіи.

Кромѣ разсмотрѣнныхъ существенныхъ преобразованій въ русской орѳографіи, предположены еще нѣкоторыя менѣе важныя, отчасти вытекающія изъ указанныхъ. Такъ съ устраненіемъ *ѣ*, какъ не обозначающаго никакого звука, на *ъ* перенесена роль исключительно 1) показателя мягкости согласныхъ и 2) отдѣлительнаго знака. Вслѣдствіе этого само собой сокращаются случаи и употребленія *ъ* тогда, когда онъ не обозначаетъ мягкости, именно — послѣ шипящихъ *ж* и *ш*, а въ подражаніе имъ и послѣ *ч* и *щ*, которые въ московскомъ говорѣ и нѣкоторыхъ другихъ произносятся и мягко (рож, ходиш, печ, вещ и т. п.). Правило употребленія *ъ* довольно непослѣдовательно, но оно конечно нисколько не хуже теперешнихъ правилъ: вѣдь послѣ всѣхъ шипящихъ въ старину могло быть только *ъ* (значитъ, и „ножь“ и „лещь“ и под.); распредѣленіе по родамъ *ѣ* и *ъ*, кромѣ кажущейся грамматической стройности, не имѣетъ никакого основанія ни историческаго, ни фонетическаго.

Для облегченія чтенія подкомиссія рекомендуетъ ввести обозначеніе *о*, слѣдующаго послѣ мягкаго согласнаго, посредствомъ *ё*, т.-е. высказываетъ желаніе о болѣе частомъ, чѣмъ теперь, употребленіи этой буквы. Конечно, если *ѣ* выбросить, употребленіе *ё* является очень желательнымъ, такъ какъ иногда трудно добраться смысла въ написанномъ, особенно въ учебныхъ книгахъ — грамматикахъ и словаряхъ—, гдѣ часто приходится имѣть дѣло

съ отдѣльными словами (напр. смел = смѣлъ и смѣлъ, сел = сѣлъ и сѣлъ, мел = мѣлъ и мѣлъ и под.). Съ устраненіемъ *ъ* пришлось бы для облегченія пониманія смысла ставить и ударенія во многихъ словахъ. При сохраненіи *ъ* этого лишняго затрудненія письма легко избѣжать.—Разъ мягкость шипящихъ, а также *ц* не обозначается посредствомъ *ъ*, то совершенно логически было бы послѣ нихъ подъ ударенiемъ ставить не умягчающій гласный *ё*, а *о*; такъ подкомиссія и рекомендуетъ писать — крючок, щолк, ещо, жолтый, лжот, шол, яйцо; безъ ударенія, гдѣ въ такихъ случаяхъ *о* неявственно, а также слышатся другіе звуки, иногда *и*—*ы*, предположено удержать этимологическое *е* (пчела, вышел, желток, сердце и под.). Съ такимъ разграниченіемъ, какъ легко усваиваемымъ и однообразнымъ, нельзя не согласиться.

Нѣкоторыя ошибки современной орѳографіи объясняются тѣмъ, что въ основѣ литературнаго языка лежитъ московское а́кающее произношеніе. Подкомиссія желаетъ возстановить этимологическо-историческія написанія. Съ этою цѣлью у именъ прилагательныхъ въ родит. п. ед. ч. муж. и средн. рода устраняется *-аго* и *-яго* и замѣняется посредствомъ *-ого* и *-его*. Въ прежнее время въ *-аго* и *-яго* видѣли старину, считая ихъ развившимися изъ -аѣго — -иѣго. Но такое предположеніе оказывается правильнымъ только для ц.-слав. языка, въ которомъ -аго — -иго, дѣйствительно, получились указаннымъ путемъ. Памятники др.-русскаго языка въ огромномъ большинствѣ случаевъ тоже представляли *-аго — -яго*, но, несомнѣнно, какъ заимствованіе изъ ц.-славянской графики. Живой языкъ (нарѣчія сѣверновеликорусское, не знающее аканья, малорусское, а также въ извѣстныхъ случаяхъ бѣлорусское) знаетъ это окончаніе съ *о*—*е* въ началѣ: *-ого — -его* развились путемъ такого же заимствованія у мѣстоименнаго склоненія (того, его), какъ и общеупотребительное окончаніе дательнаго падежа *-ому — -ему* при церк.-слав. -оуѹмоу — -оумоу (изъ -оуѥмоу), -юуѹмоу — -юмоу. Мѣстоименнаго происхожденія эти окончанія въ настоящее

время и въ другихъ славянскихъ языкахъ (словин. dobrega, серб. доброга, чеш. dobrého, польск. dobrego и т. д.). Такимъ образомъ рекомендуется писать „доброго“, „синего“; послѣ шипящихъ, *ц* и отдѣлительнаго ъ — *его* (лучшего, свѣжего, нищего, куцего, божьего). Противъ всего сказаннаго ничего нельзя возразить. Одно лишь врядъ ли допустимо: это формы, въ родѣ „куцего“; вѣдь слова, какъ „овца“, „польза“, „куцый“ въ русскомъ языкѣ, съ полнымъ отвердѣніемъ смягченныхъ ц и s, перешли въ твердое различіе склоненія: не лучше ли и въ род. прилагательныхъ на *ц* употреблять окончаніе твердое *-ого;* этимъ бы мы значительно приблизились къ живому произношенію.

Стараясь быть послѣдовательной, подкомиссія должна была бы возстановить и истинное написаніе приставки *роз-* въ такихъ словахъ, какъ розвальни, развалиться, роспись и т. д. Какъ показываютъ о́кающіе говоры, малорусское и бѣлорусское нарѣчія, а также слова подъ удареніемъ на *роз-* въ южновеликорусскомъ нарѣчіи и литературномъ произношеніи, всему русскому языку свойственна только приставка *роз-; раз-* встрѣчается лишь въ словахъ заимствованныхъ изъ ц.-славянскаго (распятіе, развратъ, растерзать и под.) и въ слогахъ безударныхъ, гдѣ на это *раз-* слѣдуетъ смотрѣть, какъ на аканье; ра́зумъ, ра́зница при бѣлор. и малор. ро́зумъ, при народномъ „продавать въ ро́зницу“ — этому не противорѣчатъ. Однако здѣсь подкомиссія отступила отъ выставленнаго ею же положенія, и, „имѣя въ виду значительное число заимствованныхъ изъ ц.-слав. языка словъ съ *раз-*“, предложила остаться при современномъ правописаніи. Въ этомъ конечно врядъ ли можно согласиться съ подкомиссіей: если рѣшено выдержать начало этимологическо-историческое, то никакихъ уступокъ и отступленій допускать не слѣдуетъ. Вѣдь такимъ же образомъ можно разсуждать и даже съ бо́льшимъ правомъ относительно родительнаго падежа прилагательныхъ: *-аго — -яго* въ огромномъ боль-

шинствѣ случаевъ подъ вліяніемъ ц.-слав. языка всегда употреблялось въ русскомъ языкѣ.

Строго этимологическое начало, уже вопреки фонетикѣ и отчасти исторіи языка, подкомиссія старается провести и въ области согласныхъ: въ правописаніи рѣшено не отражать тѣхъ измѣненій въ конечномъ согласномъ корня, которымъ этотъ звукъ подвергается въ произношеніи. Вслѣдствіе этого голосовые согласные исхода корня сохраняются передъ безголосными суффикса (шубка, лодка, тяжко, младшій и т. д.). Во всѣхъ этихъ случаяхъ не будетъ противорѣчія и исторіи языка, такъ какъ въ подобныхъ неестественныхъ группахъ былъ *ъ* или *ь*, современемъ утратившійся въ произношеніи. По аналогіи такихъ исторически правильныхъ написаній, допускаются вторичныя образованія, какъ извозчикъ, мужчина и под. Неправильно понятое и объясненное въ свое время Я. К. Гротомъ написаніе „итти“ (изъ стараго ить + ти, съ вторичнымъ возстановленіемъ суффикса: ср. пройтиться) устраняется и возстановляется „идти“ съ *д*, зашедшимъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, изъ основы настоящаго времени; но дойти, пойти и т. д. — согласно съ произношеніемъ.

Далѣе, „слѣдуя тому же этимологическому началу, подкомиссія предположила послѣдовательное проведеніе написаній съ *з* въ приставкахъ *без, из, воз, раз, чрез* и *через, низ*, какъ передъ гласными и звонкими согласными, такъ и передъ глухими согласными, гдѣ въ современномъ правописаніи приставки *из, воз, раз, низ* пишутся съ *с*“. Тутъ допущенъ недосмотръ: данный случай далеко не аналогиченъ предыдущему: тамъ неоднородность согласныхъ оправдывается исторіей языка (пропускъ глухого), здѣсь же, такъ какъ послѣ перечисленныхъ приставокъ никогда глухихъ не было, въ ц.-славян. и др.-русскомъ языкахъ всегда происходило уподобленіе согласныхъ и дальнѣйшее ихъ измѣненіе — слитіе или выпаденіе. Съ возстановленіемъ же въ неприкосновенности отмѣченныхъ приставокъ, придется проводить въ орѳогра-

фію завѣдомо ложныя написанія и, въ случаѣ ошибокъ противъ нихъ въ ученическихъ работахъ, ставить неудовлетворительныя отмѣтки за безусловно правильныя написанія. Всѣ разсужденія подкомиссіи въ этомъ случаѣ не выдерживаютъ критики: *под, над, об, пред* съ *воз, из...* не могутъ быть сопоставляемы по своей судьбѣ, такъ какъ послѣ нихъ уже въ старину писался *з*; неправильное отсутствіе перехода *з* въ *с* передъ *с* опять-таки ни о чемъ не говоритъ, такъ какъ въ старину этотъ переходъ не только бывалъ (какъ и теперь въ произношеніи), но даже сопровождался слитіемъ двухъ *сс*. Что *без-* и *чрез-* не входили въ списокъ разсматриваемыхъ приставокъ, виною этого служитъ мудрованіе нашихъ грамматистовъ, но отнюдь не суть дѣла; въ добавокъ основной формой приставки является *черес—чрес* изъ ѵрѣсъ (ср. лит. skersaj), а не *через*. Сама подкомиссія не находитъ возможнымъ распространить свое правило на такія написанія, какъ *востокъ*, гдѣ составъ слова не ясенъ. Но гдѣ же граница этой ясности и къ чему допускать отступленія?

Стремясь устранить двойственность въ окончаніи именительнаго падежа именъ прилагательныхъ (*-ый* и *-о́й*, *-ій* и *-е́й*), подкомиссія предлагаетъ употреблять и для безударнаго окончанія *-ой — -ей*, такъ какъ, по ея мнѣнію, это окончаніе, извѣстное нѣкоторымъ памятникамъ др.-русскаго языка уже съ XV вѣка и нерѣдко заходившее въ письменный языкъ въ XVIII—XIX вѣкахъ, слышится въ литературномъ произношеніи. Въ указанномъ наблюденіи есть доля правды, но до несомнѣнности и необходимости этого положенія еще очень далеко. На самомъ дѣлѣ въ окончаніи какого-либо *до́брый*, *си́ній*, въ слогѣ закрытомъ, стоящемъ послѣ ударенія, слышится звукъ нисколько не болѣе близкій къ *о* и *е*, нежели къ *ъ* и *і*, точнѣе неопредѣленный глухой (ъ и ь); въ произношеніи нѣкоторыхъ мѣстностей можно слышать здѣсь и *-ай — -яй* съ гласнымъ краткимъ; спеціально же *-ой — -ей* окончаніе сѣверно-великорусское. Но вѣдь у насъ идетъ рѣчь не о какомъ-либо народномъ русскомъ говорѣ, напр. мо-

сковскомъ, владимирскомъ, а о литературномъ общерусскомъ языкѣ, сложившемся такъ же исторически, какъ и великій русскій народъ, не безъ участія языка разныхъ русскихъ племенъ. Орѳографію устанавливали не одни московскіе грамотеи, но и кіевскіе и западнорусскіе ученые, а вѣдь малоруссамъ и бѣлоруссамъ совершенно чуждо *-ой — -ей* въ именительномъ, и усвоеніе этого окончанія для нихъ представитъ не мало труда. То же слѣдуетъ сказать и относительно школы съ польскимъ населеніемъ. Въ исторіи народа московская эпоха уже давно уступила мѣсто общерусской; естественно наступить послѣдней и въ языкѣ. Съ усиленіемъ московскаго нарѣчія въ литературѣ, доходящимъ до выдвиженія спеціальныхъ его звуковыхъ особенностей въ орѳографіи, само собой должна наступить усиленная обработка нѣкоторыхъ русскихъ нарѣчій до литературныхъ языковъ, такъ какъ грамота, основывающаяся на упрощенной орѳографіи, для малорусскаго и бѣлорусскаго простолюдина будетъ малопонятна. А къ этому ли должна стремиться школа? Кромѣ того, въ желаніи провести въ окончаніи именительнаго п. прилагательныхъ *-ой — -ей*, при удержаніи въ род. *-ого — -его*, я вижу и нѣкоторую непослѣдовательность: къ чему же здѣсь уступка историческому общерусскому написанію взамѣнъ московскаго и сѣв.-великорусскаго *-ова — -ева?*

Противъ употребленія во множественномъ числѣ для всѣхъ родовъ *-ые — -іе*, гдѣ *е* = др.-русс. *ѣ*, зашедшему уже въ старину во всѣ роды, возразить ничего нельзя: здѣсь не только возстановится правильное произношеніе, но и облегчится написаніе. Конечно, это безударное *е* нѣкоторые будутъ произносить, какъ *и (ыи — іи)*, согласно съ тѣмъ, что они дѣлаютъ и въ другихъ случаяхъ (слу́шайти), другіе же, сильно акающіе, произнесутъ *я (ыя — ія)*. Устанавливать въ письмѣ такое разнообразіе, да еще связывать съ отдѣльными родами, вслѣдъ за Тредьяковскимъ и Ломоносовымъ, не нужно. Да и Ломоносовъ въ своей грамматикѣ не такъ фанатически пріурочивалъ эти

окончанія къ тому или другому роду; онъ пишетъ: „*е* и *я* нерѣдко за едино употребляются, особливо во множественномъ числѣ прилагательныхъ пишутъ *святые* и *святыя*. Сіе различіе буквъ *е* и *я* въ родахъ именъ прилагательныхъ никакова раздѣленія чувствительно не производитъ: слѣдовательно обоихъ буквъ *е* и *я*, во всѣхъ родахъ, употребленіе позволяется; хотя мнѣ и кажется, что *е* приличнѣе въ мужескихъ, а *я* въ женскихъ и среднихъ“ (§ 116).

Съ полнымъ основаніемъ устранено искусственное различеніе по родамъ во множественномъ числѣ словъ *одни* и *одно*, *они* и *оно*. Живая рѣчь знаетъ обѣ формы для всѣхъ родовъ. Изъ нихъ въ формахъ на *и* глубокая старина (но только для мужескаго рода), а въ *е (ъ)* — подражаніе такимъ образованіямъ, какъ *то*, куда *о* зашло изъ косвенныхъ падежей, не безъ вліянія конечно и старыхъ формъ двойственнаго жен. и средн. р. двѣ, обѣ. Въ виду того, что „этотъ“ — сложное „тотъ“ — во множественномъ числѣ перешло въ мягкое различіе (эти, этихъ, этимъ...), а также въ виду древности формъ на *и*, естественно отдать предпочтеніе этому окончанію для всѣхъ родовъ [1]).

Также слѣдуетъ лишь привѣтствовать исключеніе въ родительномъ падежѣ жен. рода написанія *ея* (= ц.-слав. ѥѧ), которое читается по-русски её. Эта форма *ее*—*её*,

---

[1]) Во время чтенія доклада сдѣлано было серьёзное возраженіе по этому поводу: какъ быть съ такими мѣстами у русскихъ поэтовъ, напр., у Пушкина, гдѣ о н ѣ — о н ѣ риѳмуются съ дательнымъ падежомъ на *о*, напр.:

.....Навстрѣчу мнѣ
Только версты полосаты
Попадаются однѣ.
„Зимняя дорога“.

Это же замѣчаніе и въ ст. А. С. Будиловича, напечатанной въ „Русс. Вѣстникѣ“. Конечно, ученикамъ слѣдуетъ сообщить, что, кромѣ формъ „они“, „одни“, есть еще „онѣ“, „однѣ“, но рекомендуется предпочтительно употреблять первыя.

равная др.-русской *ѣ*, зашла и въ винительный падежъ на мѣсто стараго *ю* (ср. „по сю пору“).

Затѣмъ подкомиссія, оставляя этимологію и исторію языка, касается нѣкоторыхъ практическихъ вопросовъ правописанія: о слитномъ и раздѣльномъ написаніи словъ, о переносѣ. Въ первомъ случаѣ допускается большая свобода, что далеко не желательно. Слѣдуетъ безусловно согласиться, напр., какъ писать отрицаніе *не* при глаголахъ, прилагательныхъ и другихъ частяхъ рѣчи; когда слово съ предлогомъ считать именемъ существительнымъ и прилагательнымъ и вслѣдствіе этого писать отдѣльно, а когда считать такія группы за нарѣчія, союзы и даже предлоги и писать слитно. Даже такіе пустяки, какъ употребленіе черточки (-) должны быть строго опредѣлены. Школа требуетъ точности и опредѣленности: нельзя допускать столько орѳографій, сколько отдѣльныхъ лицъ.

И правила переноса можно упростить, но нельзя допускать страшнаго произвола, какой уже теперь можно наблюдать въ нѣкоторыхъ небрежныхъ органахъ печати.

Употребленіе прописныхъ буквъ, знаки препинанія также не должны быть забыты.

Подведемъ итоги всему сказанному. Въ настоящее время наша орѳографія несомнѣнно нуждается въ нѣкоторыхъ частичныхъ поправкахъ и упрощеніяхъ. Но для коренной ея реформы не настало время, да врядъ ли, какъ думаетъ акад. И. В. Ягичъ (Archiv f. sl. Phil., XXIII, 577), это когда-либо и случится. Такое время было при Петрѣ Великомъ, когда русской свѣтской литературы, можно сказать, еще не существовало; теперь же мы имѣемъ громадную міровую литературу, написанную существующей орѳографіей, съ которой имѣютъ дѣло и учатся и впредь будутъ учиться сотни милліоновъ людей. Если мы желаемъ, чтобы наши потомки читали выработанное

ихъ родителями и предками, то должны стоять за свою орѳографію. Русскій литературный языкъ и его орѳографія составляютъ общее достояніе исторической Россіи въ полномъ ея объемѣ. „Хотя и вѣрно“, говоритъ Ягичъ (ib.), что въ Россіи еще мало развито историческое чутье (прошу извинить меня за это констатированіе факта), но по крайней мѣрѣ въ языкѣ сохранились святыни, которыя конкурируютъ успѣшно съ Кіевскимъ или Новгородскимъ Софійскимъ соборомъ и Московскимъ кремлемъ“ [1]).

ИМПЕРАТОРСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

[1]) Переводъ Б. М. Ляпунова: „По поводу статьи проф. Р. Ѳ. Брандта «О лженаучности нашего правописанія» мнѣніе ак. Ягича о реформѣ правописанія“. „Второе мнѣніе академика И. В. Ягича о реформѣ русскаго правописанія (Отвѣтъ на открытое письмо Р. Ѳ. Брандта)“.